

II. ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ И ИХ ТЕКСТОВЫЕ ФУНКЦИИ

УДК 808.1

Г. А. БАЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет

ФОРМУЛЬНОСТЬ ВВОДА ПРЯМОЙ РЕЧИ В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ключевые слова: прямая речь, формула, глаголы говорения, речевой ритуал, inquit-Formeln.

В статье анализируются формульные способы ввода прямой речи персонажа, характерные для разных по жанрам произведений средневерхненемецкого периода, и выявляется коммуникативно-прагматический потенциал конструкций ввода персонажной коммуникации с учетом их позиции по отношению к прямой речи и роли компонентов, конкретизирующих характер и направленность речевого действия.

G. A. BAEVA

St. Petersburg State University

FORMULAIC WAY TO INTRODUCE DIRECT SPEECH IN MIDDLE GERMAN LITERATURE

Keywords: direct, speech, formula, verba dicendi, speech communication, inquit-formulas.

The paper analyses formulaic ways of introducing the direct speech of a character, typical for different genres of literature in middle german period, and identifies communicative and pragmatic potential of the constructions used to introduce the communication of character, and given with their position related to the direct speech and role of the components, specifying the nature and the focus of the speech act.

Коммуникативно-прагматической особенностью художественных произведений, создаваемых в эпоху, когда чтение было прерогативой небольшого круга людей и знакомство с тем или иным произведением происходило в основном благодаря устному исполнению является то, что сказитель, рассказчик или автор-повествователь должны были не только пересказывать ту или иную историю или событие, делая это либо от своего имени, либо от имени одного из героев рассказа, но и переключать повествование с речи одного

персонажа на речь другого. На фоне весомой доли повествования о тех или иных событиях, которые передавались от имени автора или описывались «глазами» самих участников, в произведениях значительное место занимают диалоговые сцены, или, другими словами, в немецкой традиции, речевые сцены (Redeszenen) [12; 14], которые представляют собой прямую речь персонажей, вводимую, как правило, по одинаковому сценарию и приобретающую на этом основании определенную формульность.

Формульные способы ввода прямой речи, используемые при дословной передаче сказанного, при настоящем повторении и при упоминании или ссылок, в значении „so sagt man, so heißt es“, получили в зарубежной лингвистике название „inquit-Formeln“ (в переводе с латыни «он говорит») [5, с. 31]. При определении прагматической значимости средств ввода персонажной коммуникации обычно устанавливают „инвариант вводящего комплекса элемента речевой партии персонажа“ [4, с. 12–13], т. е. репрезентирующую часть ввода прямой речи, составляющую «основу, в которую „вливается“ элемент речевой партии персонажа...» [4, с. 14].

Ядерную часть вводящего прямую речь высказывания образует глагольный компонент, который непосредственно инициирует начало речевого действия персонажа — исходного субъекта речи — и подготавливает его восприятие реципиентом. Таким образом определяются основные функции глагольного компонента, вводящего прямую речь: маркирование речевого акта говорения, его спецификация и экспонирование.

Как показывает материал исследования, «инквитные формулы» как способы ввода прямой речи могут быть достаточно разнообразными по своей структуре. Автор-рассказчик, комментируя речевое поведение персонажа — исходного субъекта речи, принимает позицию метасубъекта речи и координирует восприятие и усвоение читателем сюжетной роли персонажа. Для анализа были выбраны примерно одинаковые по объему отрывки из разных по жанру и времени появления произведений средневерхненемецкой литературы в 1520 стихов (объем «Бедного Генриха» Гартмана фон Ауэ): «Песнь о нибелунгах» — древненемецкий героический эпос, записанный примерно в 1200 г., «Бедный Генрих» Гартмана фон Ауэ — стихотворная новелла в духе рыцарских романов, созданная в первой половине XIII в., и «Поп Амисе» Штрикера — пример городской народной литературы второй половины XIII в., представ-

ляющий собой собрание стихотворных сатирических шванков, описывающих похождения хитрого священника. Выбор перечисленных произведений был обусловлен желанием проследить динамику и особенности ввода прямой речи персонажа в зависимости от жанра произведения и времени его появления. Результаты следующие: в исследованных 1520 строках из каждого произведения в «Песни о нибелунгах» — 103 речевых сцены, в «Бедном Генрихе» Гартмана фон Ауэ вербально описаны 59 речевых сцен, в «Попе Амисе» Штрикера таких сцен 86. Другими словами, в «Гренихе» одна речевая сцена приходится на 25 строк, в «Амисе» примерно на 17 строк, а в «Нибелунгах» примерно на 15 строк. При этом распределение речевых сцен по всему произведению очень даже неравномерно. Например, отдельные авантюры в «Нибелунгах» оказываются полностью описательными (авантюра 16), в других доминирует диалог (авантюры 3, 8).

Персонажная речь вводится глаголами говорения, среди которых доминирует глагол *sprechen*, пришедший на смену древнему глаголу *quedan*, практически единолично выполнявшему эту роль в древневерхненемецких памятниках [2, с. 17]. Исчезновение глагола *quedan* обычно связывают с тем, что этому глаголу с самого начала была свойственна специфическая семантика изысканности и поэтичности „auf das Erhabene und Poetische“ [11, с. 31]. В средневерхненемецком, по-видимому, происходит постепенная утрата пафосности при указании на передачу слов персонажа и акцент переносится на собственно прямую речь, которая становится важным элементом повествования и приобретает значительный вес как в содержательном плане, так и по своему объему в рамках произведения. Это и приводит к использованию более нейтрального глагола *sprechen* в значении „das was man sagt wird ausgedrückt“ [7, с. 522].

Несмотря на то, что группа глаголов *verba dicenti* в средневерхненемецком достаточна обширна, доля других глаголов этой группы, хотя они и могут использоваться для ввода прямой речи, очень незначительна. Примеры, в которых прямая речь вводится глаголами: *ansprechen, fragen, ntworten, rufen, schreien, (ver)jehen, reden*, единичны [см. примеры (11), (13), (17), (23), (31)].

Важная особенность анализируемых формульных конструкций заключается в том, что глагол говорения, вводящий прямую речь, стоит всегда в прошедшем времени — в претерите, в то время как

само содержание прямой речи представлено обычно настоящим временем — презенсом:

- (1) Also sprach dō Hagne: „ich will des wol verjehen <...> N. 84.1 — Da fuhr Hagen fort: „Ich möchte dazu folgendes sagen“ <...>

Что касается «длины» формулы ввода прямой речи, то можно сделать следующее наблюдение: стандартная конструкция чаще всего занимает половину стихотворной строки и состоит из глагола говорения (предиката) и субъекта — действующего лица — произносителя речи: *er/sie/Sivrit sprach*. В этом случае имеет место формульная по своей сути навигация на речь персонажа, которая не дает никакой дополнительной информации о речевом акте, кроме как о его наличии:

- (2) er sprach. N. 62.1 (также 82, 192 и др.);
- (3) Der kunich sprach. S. 503 (также 533, 549, 565, 645 и др.);
- (4) Der bisschop sprach. S. 95 (также 108, 145, 181, 217);
- (5) der pfaffe sprach. S. 110 (также 135, 153);
- (6) Er sprach. S. 615.

Специфической особенностью конструкции ввода прямой речи можно считать употребление глагола говорения во множественном числе для указания на двух и более говорящих. В нашем материале всего несколько примеров из «Бедного Генриха», в которых на решение дочери пожертвовать своей жизнью ради спасения Генриха одновременно в едином порыве и с желанием отговорить ее от этого откликаются ее родители:

- (7) der vater und diu muoter sprachen. H. 972;
- (8) sie sprachen. H. 499 (также: 1487, 1509).

Распространение формулы ввода прямой речи происходит по нескольким линиям. Во-первых, за счет определений к номинации лица говорящего. Форма таких распространителей достаточно разнообразна: согласованное определение в препозиции, например, *der arme Heinrich*, *der küene Sivrit*, *der herre Sifrit*, *vil trüerecliche diu vrouwe*, приложение к имени собственному: *der pfaffe Ameys*, *Volkêr der vil küene*, *Sivrit der vil küene*, что особенно характерно для такого эпического произведения как «Песнь о нибелунгах»:

- (9) *dô sprach der küene Sîvrit*. N. 46.4;
- (10) *Volkêr der vil küene vil lûte sprechen begann / zuo den sînen herren <...>* N. 1799–1800.4f. — Der kühne Volker begann laut zu seinen Herren zu sagen.

Во-вторых, расширение указанной выше минимальной формулы происходит за счет указания на адресата речи (к кому обращаются): *zem kuneg, zuo den sînen herren*, что является реализацией факультативной валентности глаголов говорения, представленной объектом в дативе (аккузативе) или предложной конструкцией с *zu*:

- (11) *Des antwurt dem kunege von Metzen Ortwîn*. N. 79.1. — Deshalb antwortete Ortwin von Metz dem König;
- (12) *dô sprach der gast zem kunege*. N. 104.4. — Da antwortete der Gast dem König;
- (13) *Er vrâgte Sîvride, den gesellen sîn <...>* N. 388.1 — Er fragte Siegfried, seinen Gefährten;
- (14) *zuo dem meister er dô sprach*. N. 1273.

В-третьих, распространителями являются разнообразные дискурсивные слова, указывающие на связь между репликами по линии «здесь и сейчас», широко употребляемые в этот период и занимающие самые разнообразные позиции в рамках формулы: начальную, серединную, конечную. Доминирует дискурсивное *dô* [3, с. 55–56], кроме этого широко представлены *also, aber, des, nun, sus, so* и др. С помощью указанных дискурсивных слов рассказчик не только структурирует и передает информацию о некотором фрагменте повествования, но и реализует свои коммуникативные установки. Дискурсивные слова фиксируют разные позиции, которые занимает рассказчик — эпистемистический центр по отношению к пространству повествования. Эти позиции имеют разную векторную направленность, определяемую условиями коммуникативного акта, установками говорящего, особенностями устной рецепции, культурными, социальными и другими параметрами. Используя дискурсивные слова рассказчик так организывает повествование, что все участники речевой ситуации образуют общее речевое пространство; он переносит ситуацию, прожитую в прошлом, в актуальный момент речи, обнаруживая сопричастность

к событию и представляя его собеседнику максимально *наглядно*.
Например:

- (15) *Dô sprach der arme Heinrich*. Н. 205;
- (16) *Dô sus antwurte im sîn tohter*. Н. 592;
- (17) *Sin gemahel im dô rief, sie sprach*. Н. 906;
- (18) *Der pfaffe sprach aber do*. S. 555;
- (19) *Do sprach zu ihm der bisschof*. S. 62 (также 71);
- (20) *Der nach sprach er also*. S. 363.

Особенно разнообразны и частотны такие примеры в «Песни о нибелунгах»:

- (21) *dô sprach der wirt ze dem gaste*. N. 646.1 — *Da sagte der Hausherr dem Gast*;
- (22) „*Des will ich gerne volgen*“, *sprach der kunec dô*. N 273.1 — „*Darauf will ich gern eingehen*“, *erwiderte da der König*.

В последнем примере ввод речи персонажа следует за самой речью, и *dô* занимает последнюю позицию в строфе. Использование здесь дискурсивной лексемы *dô*, как и во многих других случаях, обусловлено ритмическими причинами, необходимостью заполнить пустующее место в строфе, а также рифмой: *dô* рифмуется с *vrô* в следующей строфе.

В исторических грамматиках при трактовке этих лексем традиционно приводят их семантическое развитие от передачи указательного значения к относительному: от указательного наречия места к дейктической частице: ahd. *dâr* > mhd. *dô* > nhd. *da* [9, с. 200; 13, с. 151]. Уже в древневерхненемецком языке, как указывает А. Беттен, эти слова использовались «как фокусирующий разделительный сигнал, с помощью которого привлекалось внимание читателя к переходу от одного действия к другому» [8, с. 405]. Другими словами, с их помощью происходит актуализация языкового значения ситуации, невербального контекста высказывания, обусловленного в значительной степени историко-культурологическим фактором устной рецепции, который формирует и организует мысль рассказчика. В. Г. Адмони называет это «общей соотнесенностью» [1, с. 84–86]. Дискурсивные слова, выступая как специфический дейктический элемент наречно-указательного типа [5, с. 16; 6, с. 32],

способствуют более четкой ориентации слушателя (и читателя) в коммуникативном пространстве повествования и служат прежде всего для правильного с точки зрения рассказчика-сказителя восприятия происходящего.

Формула ввода прямой речи может быть, в-четвертых, расширена за счет включения различных обстоятельств, представляющих собой, как правило, оценочные характеристики речи персонажа, указания на образность, эмоциональность, учтивость речи, быстроту реакции собеседника, сопутствующие действия при прознесении речи и т. п. Учитывая тот факт, что доминирующий глагол *sprechen* семантически нейтрален и не предполагает никакой дополнительной характеристики речи персонажа, кроме ее констатации, включенные обстоятельственные конструкции оказываются важными в коммуникативно-прагматическом плане. Примеры из «Нибелунгов»:

- (23) *Dô rief vil trûreclîche diu vrouwe milt <...>* N. 1009.1 — Da rief die edle Königin in großer Trauer;
- (24) *Der künic kom mit recken. weinen er dô sach / di sine triutinne wie güetlich er sprach.* N 849.1–2 — Der König kam mit seinen Recken. Er sah seine geliebte Frau weinen. Wie zärtlich sprach er sie an;
- (25) *dô er ir rede gehôrte, er sprach getriuweliche sint.* N 862.4 — Als er ihr Gespräch hörte, sprach er in seiner treuen Haltung;
- (26) *Dô sprach diu schœne Kriemhilt, zornec was ir muot <...>* N. 836.1 — Da sagte die schöne Kriemhild voll Zorn;
- (27) „*Mich wundert dirre mære*“, *sprach der kunec zehant*, „*von wannen <...>*“ N. 104.1–2. — „Ich möchte gern wissen“, fragte der der König sogleich, „woher <...>“;
- (28) *Sivrit der vil küene, wie snelle er dô sprach <...>* N. 74.2 — Aber da sagte der tapfere Siegfried sogleich.

Сходные примеры, правда меньшего объема, встречаем в «Бедном Генрихе»:

- (29) *diu maget lachende sprach.* H. 1107 — Das Mädchen sagte lachend;
- (30) *diu muoter weinende sprach.* H. 627;
- (31) *vil bitterlîchen si schrê* H. 1290 — Völlig verbittert schrie sie.

У Штрикера таких примеров мало, и они, как правило, передают быстроту речевой реакции персонажа:

- (32) *Do sprach der bissciff zehant*. S.265 — Der Bischof erwiderte sogleich (также 1275);
- (33) *Zu dem sprach er sazehant*. S.500 — Ihn redete er sogleich an;
- (34) *doch sprach der kunich, swi hart er luge*. S.679 — behauptete der König, wiewohl er log.

По расположению в отношении реплик персонажа формула ввода прямой речи может занимать начальное и, значительно реже, срединное (встраиваться в речь персонажа) или конечное положение (завершать речь персонажа, маркировать ее конец) (см. примеры выше). Доминирующей позицией формульного ввода прямой речи является, как показывает материал, — начальная. При такой позиции происходит, как представляется, более медленная, неспешная смена действующих лиц и, соответственно, их реплик. Динамичность передачи прямой речи может передаваться постпозицией ее ввода, т. е. когда за речью персонажа следует указание на нее. Случаи срединной «межрепликовой» позиции (когда прямая речь персонажа прерывается указанием на него самого, произносящего то или иное высказывание, а затем речь персонажа продолжается) не частотны и характерны, в основном, для «Нибелунгов»:

- (35) „*Daz muot ir*“, *sprach dô Hagene*, „*wol mit êren tuon*“. N.101.1. — „Das könnt ihr gut tun“, sagte der Hagen, „ohne Euch etwas dabei zu vergeben“;
- (36) „*Mich wundert dirre mære*“, *sprach der kunec zehant*, „*von wannen*“ <...> N.104.1–2. — „Ich möchte gern wissen“, fragte der König sogleich, „woher“ <...>

Специфически сказительной чертой можно считать и двойную навигацию на речь персонажа, представленную в «Песне о нибелунгах»:

- (37) *Dô sprach der herre Sifrit*: <...> *sprach der Kriemhilde man*. N.929. 1–4.

Редким случаем, подчеркивающим динамизм смены речевых партий персонажей, может быть передача моментальной реакции на реплику «сказал — отреагировал (ответил)»:

- (38) *Dô sprach aber Brünhilt <...> / des antwurte Kriemhilt.* N. 827.1–4 —
Da sagte Brünhild erneut <...> / Kriemhild antwortete darauf.

Итак, как показывает материал исследования, основная функция ввода прямой речи состоит в маркировке и отделении речи персонажа от речи рассказчика, который с помощью формул управляет рецепцией во время устной трансляции повествования. В средневерхненемецких эпических памятниках положение вводящей прямую речь формулы относительно прямой речи свободно: она может предвосхищать прямую речь, завершать ее или занимать срединное положение, что придает всему повествованию большую динамичность, живость и подчеркивает значимость фигуры автора-рассказчика. Автор становится центром повествования — нарратором, а также метанарратором — комментатором собственных речевых действий. В произведениях городской литературы с моралистическим уклоном конструкции ввода прямой речи становятся более схематичными и универсальными, хотя демонстрируют разнообразие клишированных формул. Их речеактовые особенности оказываются часто нивелированными, а высокая степень стандартизованности и семантической универсальности этих конструкций подкрепляется простотой их синтаксической организации.

Источники и принятые сокращения

- H — Hartmann von Aue. *Der arme Heinrich.* *Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / übers. v. S. Grosse; hrsg. v. U. Rautenberg.* Stuttgart: Reclam, 2005.
N — *Das Nibelungenlied.* *Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / hrsg. v. U. Schulze.* Stuttgart: Reclam, 2010.
S — *Der Stricker. Der Pfaffe Amis.* *Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / Nach der Heidelberger Handschrift herausg., übers. u. komment. v. M. Schilling.* Stuttgart: Reclam, 2007.

Литература

1. Адмони, В. Г. Исторический синтаксис немецкого языка. М.: Высшая школа, 1963. 336 с.
2. Баева, Г. А. Формульность ввода прямой речи в древневерхненемецких памятниках // *Университетский научный журнал (филологические и исторические науки, археология и искусствоведение).* 2015. № 16. С. 21–27.
3. Баева, Г. А. Дискурсивные частицы *dô/dâ* в немецком героическом эпосе // *Philology.* 2016. № 4. С. 55–57. (Волгоград)

4. *Воротилина, Е. Н.* Средства ввода речевых партий персонажей в прозаических произведениях немецкоязычных писателей XIX–XX-го веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Российск. гос. педаг. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2002. 21 с.
5. *Николаева, Т. М.* Функции частиц в высказывании (по материалам славянских языков). М.: Наука, 1985. 170 с.
6. *Шведова, Н. Ю.* Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.
7. *Benecke, G., Müller, W., Zarncke, Fr.* *Mittelhochdeutsches Wörterbuch.* 14–21. Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1854–1866. Stuttgart: Hirzel, 1990. 826 S.
8. *Betten, A.* Zur Satzverknüpfung im althochdeutschen Tatian // *Althochdeutsch.* Bd. I: Grammatik, Glossen und Texte / hrsg. v. R. Bergmann u.a. Heidelberg: Walter de Gruyter, 1987. S. 395–407.
9. *Dal, I.* *Kurze deutsche Syntax.* Tübingen: Max Niemeyer, 1962. 232 S.
10. *Hundsnurscher, Fr.* *Sprechen und sagen im Spätmittelalter und in der frühen Neuzeit.* Zum Wechesel der Inquit-Formel *er sprach / er sagte* // *Literatur — Geschichte — Literaturgeschichte.* Beiträge zur mediävistischen Literaturwissenschaft. Festschrift für V. Honemann zum 60. Geburtstag / hrsg. v. N. Miedema, R. Sunfrup. Frankfurt / M. u.a.: Peter Lang, 2003. S. 31–52.
11. *Kolb, H.* Über das Aussterben eines Wortes: althochdeutsch ‚quedan‘ // *Jahrbuch für Internationale Germanistik.* 1969. 1.2. S. 9–34.
12. *Kropf, A. S.* Die Gestaltung und Funktion der Inquitformel im Nibelungenlied. Schnittstelle zwischen Erzählstimme und Figurenrede. Hamburg: Diplomatica-Verlag, 2014. 136 S.
13. *Schrodt, R.* *Althochdeutsche Grammatik II. Syntax.* Tübingen: Max Niemeyer, 2004. 251 S.
14. *Redeszenen in der mittelalterlichen Großepik.* Komparatistische Perspektiven / Hrsg. M. Unzeitig, N. Miedema, Fr. Hundsnurscher. Berlin: Akademie Verlag, 2011. 317 S.

References

1. Admoni, V. G. *Istoricheskii sintaksis nemetskogo iazyka* [*Historic Syntax of German*]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1963. 336 p. (In Russian)
2. Baeva, G. A. Formul'nost' vvoda priamoj rechi v drevneverkhnenemetskikh pamiatnikakh [Formulaic Way to Introduce Direct Speech in the Old German classical texts]. *Universitetskii nauchnyi zhurnal (filologicheskie i istoricheskie nauki, arkheologiya i iskusstvovedenie)*, 2015, no. 16, pp. 21–27. (In Russian)
3. Baeva, G. A. Diskursivnye chastitsy dô/dâ v nemetskom geroicheskom epose [Discourse Particles dô/dâ in German Heroic Epic]. *Philology*, 2016, no. 4, pp. 55–57. (In Russian)

4. Vorotilina, E. N. *Sredstva vvoda rechevykh partii personazhei v prozaicheskikh proizvedeniiah nemetskoiazыchnykh pisatelei 19–20-vo vekov* [Means of Introduction a Character's Speech Parts in the Works German Writers of the 19th–20th Centuries]. Thesis of PhD diss. St. Petersburg, 2002. 21 p. (In Russian)
5. Nikolajeva, T. M. *Funksii chastits v vyskazyvanii (po materialam slavianskikh iazykov)* [The Functions of particles in sentences (on the basis of Slavic Languages)]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 170 p.
6. Schvedova, N. J. *Mestoimenie i smysl. Klass russkikh mestoimienii i otkryvaemye imi smyslovye prostranstva* [The Pronoun and Sense. The Category of Russian Pronouns Constructing the Areas of New Sense]. Moscow, Asbukovnik Publ., 1998. 176 p. (In Russian)
7. Benecke, G., Müller, W., Zarncke, Fr. *Mittelhochdeutsches Wörterbuch. 14–21. Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1854–1866*. Stuttgart, Hirzel, 1990. 826 p.
8. Betten, A. Zur Satzverknüpfung im althochdeutschen Tatian. *Althochdeutsch*. Bd. I.: Grammatik, Glossen und Texte. Hrsg. v. R. Bergmann u.a. Heidelberg, Walter de Gruyter, 1987, pp. 395–407.
9. Dal, I. *Kurze deutsche Syntax*. Tübingen, Max Niemeyer, 1962. 232 p.
10. Hundsnurscher, Fr. Sprechen und sagen im Spätmittelalter und in der frühen Neuzeit. Zum Wechesel der Inquit-Formel er sprach / er sagte. *Literatur — Geschichte — Literaturgeschichte. Beiträge zur mediävistischen Literaturwissenschaft. Festschrift für V. Honemann zum 60. Geburtstag*. Hrsg. v. N. Miedema, R. Sunfrup. Frankfurt on M. u.a., 2003, pp. 31–52.
11. Kolb, H. Über das Aussterben eines Wortes: althochdeutsch ‚quedan‘. *Jahrbuch für Internationale Germanistik*, 1969, 1.2, pp. 9–34.
12. Kropf, A. S. *Die Gestaltung und Funktion der Inquitformel im Nibelungenlied. Schnittstelle zwischen Erzählstimme und Figurenrede*. Hamburg, Diplomatica-Verlag, 2014. 136 p.
13. Schrodtt, R. *Althochdeutsche Grammatik II. Syntax*. Tübingen, Max Niemeyer, 2004. 251 p.
14. *Redeszenen in der mittelalterlichen Großepik. Komparatistische Perspektiven*. Hrsg. M. Unzeitig, N. Miedema, Fr. Hundsnurscher. Berlin, Akademie Verlag, 2011. 312 p.

Баева Галина Андреевна

доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ
 Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Galina A. Baeva

Doctor of Philological Sciences, Professor of German Philology Department,
 St. Petersburg State University
 Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.
 E-mail: baevaga@mail.ru